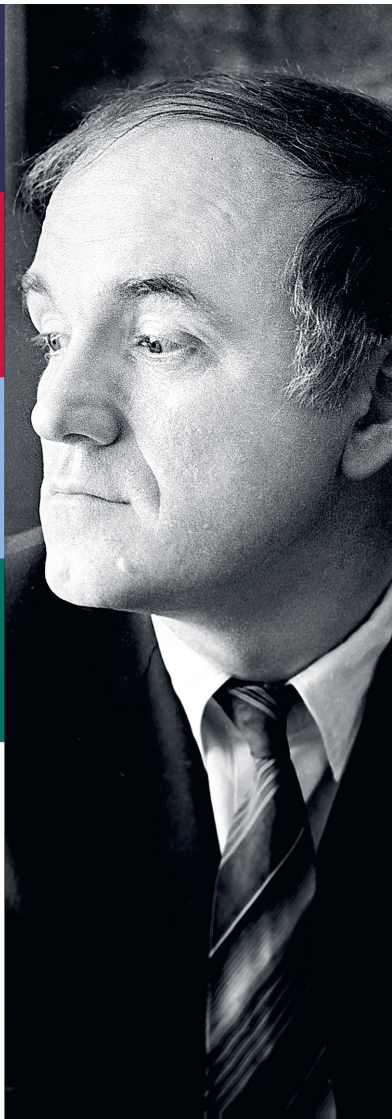

Дмитрий Терехов

РИХТЕР И ЕГО ВРЕМЯ

ЗАПИСКИ
ХУДОЖНИКА

Дмитрий Ф. Терехов
Рихтер и его время.
Записки художника
Серия «Музыка времени.
Иллюстрированные биографии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42795034

Д. Ф. Терехов. Рихтер и его время. Записки художника: ООО

«Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-115247-5

Аннотация

Автор книги Дмитрий Терехов – известный художник, ученик выдающихся мастеров русского модерна Владимира Егорова и Роберта Фалька, племянник художницы Анны Трояновской, близко знакомой с Петром Кончаловским, Федором Шаляпиным, Константином Станиславским и многими другими деятелями искусства. Благодаря Анне Ивановне Трояновской в 1947 году произошло судьбоносное знакомство автора с молодым, подающим надежды пианистом, учеником Генриха Нейгауза – Святославом Рихтером. Дружба Рихтера и Терехова продолжалась около пятидесяти лет, вплоть до самой смерти великого пианиста. Спустя несколько лет Дмитрий Федорович

написал свои мемуары-зарисовки о нем, в которых умело сочетались личные воспоминания автора с его беседами с женой Святослава Рихтера – певицей Ниной Дорлиак и ее ученицей Галиной Писаренко. Эта книга прежде всего дань многолетней дружбе и преклонение перед истинным гением. Она создана на основе воспоминаний, личных впечатлений и размышлений, а также свидетельств очевидцев многих описываемых здесь событий.

Содержание

От автора	8
I. Неоконченная биография. Факты, комментарии, новеллы и эссе	10
Предисловие	10
Глава первая	17
Глава вторая	22
Глава третья	29
Глава четвертая	36
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Терехов

Рихтер и его время.

Записки художника

© Терехов Д. Ф., 2019

© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Святослав Теофилович Рихтер (1915–1997)

От автора

Здравствуйтесь, это автор.

Итак, «Рихтер и его время».

Вы насторожились? И вы правы!

Книга для такого названия явно тонка. Но ведь любая книга о великом человеке – это еще и книга о его времени. Великие люди олицетворяют свое время. Доказывать это не нужно. Достаточно того, что мы говорим: «Пушкинское время...», «Во времена Достоевского...» и т. д.

Поэтому название книги соответствует содержанию. Но если быть точным до конца, к сему следовало бы добавить еще два слова, а именно – «кое-что»: «Кое-что о Рихтере и кое-что о его времени», но так слишком длинно и некрасиво. Положение спасает подзаголовок – «Записки художника». Согласитесь, это совсем без претензий.

Не ждите многого от рассказа художника. Художник – молчальник и потому плохой рассказчик. Он не в ладах с дисциплиной мысли и поэтому предлагает вам всего лишь «записки», то есть нечто беглое и неосновательное. Память его избирательна. Мнение его субъективно. Он затворник мастерской, узник своего воображения, хотя настойчиво уверяет себя, что свободен.

Нет профессии более несвободной, чем свободный художник. Свободный художник зависит от мнения заказчика, от

мнения общества, от музейных работников, от домоуправа, от пожарного, всегда имеющего претензии к проводке в его мастерской; он зависит от дворника, которому давно надоела бумажная рвань, разносимая ветром из его окон... Словом, на художника смотрят косо. И поделом, художник – человек ненадежный. И это непоправимо.

Поэтому смиритесь с недостатками этой книги и извините автора.

Итак, рассказы о Рихтере. Но можем ли мы судить сейчас о нем с должной полнотой? Можем ли мы, рассматривая гору с двух шагов, увидеть ее сразу со всех сторон? Мы все его современники, и любое наше воспоминание неизбежно автобиографично и потому узко. Однако сейчас многие пишут о Рихтере, и это замечательно! Останутся свидетельства очевидцев, свидетельства близких. И не беда, что это многих раздражает: мол, «непохоже», «не о том!», «а это еще зачем?!». Не беда. Это все скоро останется в прошлом. Зато для будущего сохранятся драгоценные черты и подробности жизни великого человека.

Хотелось бы только вспоминать о нем не по-обывательски, а это значит – проявлять некоторое бесстрашие и не ставить перед собой задачу угодить всем.

Дмитрий Терехов 22.01.2001 г.

I. Неоконченная биография. Факты, комментарии, новеллы и эссе

Нине Львовне Дорлиак

С восхищением.

На прощанье...

Митя 17 мая 1998 г.

Предисловие

Нина Львовна Дорлиак была моей бесценной помощницей, советчицей и судьей в работе над биографией Святослава Рихтера.

17 мая 1998 года она скончалась. Книга осталась незаконченной. Сейчас трудно сказать, как сложится судьба продолжения. Одно ясно: теперь это будет уже другая книга, ибо со смертью Нины Львовны для меня исчезли живая связь времени и чувство личного сопричастия к жизни ее великого мужа...

Мысль написать биографию Святослава Рихтера возникла сама собой. Прежде всего было желание оставаться с ним, не отпускать его в прошлое, говорить и думать о нем.

Эта работа захватила осень, зиму и весну 1997–1998 годов. В то время мы с Ниной Львовной виделись почти ежедневно.

Вскоре определились размер и тон книги. Но возникли и сомнения. Конечно, хотелось, чтобы сам рассказ был более поэтичным, нежели научным. Но поэтичное всегда субъективно. Допустимо ли вводить в биографию великого человека домысел рассказчика? Было время, когда нам казалось, что сами факты, в своей последовательности, дадут и характер, и среду – словом, воссоздадут черты ушедшего времени. Но написав так несколько глав, мы увидели: это уже не книга, не эссе, это всего лишь справка, подавляющая своими размерами.

И возник план попытаться примирить эти противоречия, поделив все изложение на отрывки: факты, комментарии, новеллы и эссе.

Уж очень не хотелось потерять строгость, это главное качество биографических рассказов! Отказаться совершенно от элементов вымысла в такой книге было невозможно.

Но следовало ни в коем случае *не выдавать его за правду*.

И вот все, что требовало каких-то дорисовок, догадок, предположений, было собрано в новеллы. Эти отрывки по своему звучанию, по своему устройству должны были, как казалось, принципиально отличаться от остального текста. Во-первых, им надо было придать некую личностную неопределенность. И было решено не употреблять в них

имен собственных, а ограничиться лишь местоимениями. Кроме того, новеллам были предпосланы заглавия. Таким образом, мы получили род литературных иллюстраций к происходящим событиям. Это лишь воздух, лишь пространство, в котором происходит действие, однако весь *сюжетный* состав новелл – *строго фактический*. Иногда прямые воспоминания действующих лиц книги частично входили в новеллы, ибо сюжетная коллизия, поворот событий этого требовали.

Что же можно сказать о других отрывках, а именно о комментариях или эссе?

Это если не традиционные, то во всяком случае частые спутники больших биографий.

В этой книге они нужны для реконструкции ушедших времен, о которых постепенно стали забывать у нас в России, а за ее пределами и вовсе не имеют понятия. Они нужны для осознания умонастроений русской интеллигенции в советский период и, главное, для осознания той почти недозированной формы духовной свободы, которая и была *первопричиной* создания всей русской культуры в XX веке.

Итак – Святослав Рихтер в трагическом пространстве своего времени.

Попытаться изложить это и стало целью всей работы.

Теперь план казался ясным, все пробы, эксперименты остались позади, и я начал работу над окончательным вариантом текста.

Вечерами, часов около семи, я появлялся у Нины Львовны, чтобы обсудить сделанное за день.

Мы садились в старинные глубокие кресла под высокими торшерами против двух молчаливых теперь роялей. Свое кресло я разворачивал так, чтобы видеть лицо Нины Львовны.

Передо мной обычно была маленькая банкетка, на которой размещались рукопись и магнитофон.

Нине Львовне всегда казалось, что мне темно читать, и она говорила:

– Вы окончательно испортите глаза.

Тут она делала движение рукой, как бы желая подвинуть ко мне тяжелый торшер. Тогда я быстро подвигал его сам, хотя света было достаточно, и чтение начиналось.

Поначалу я сильно волновался, и мое лицо горело, словно я смотрел в истопленную печь.

Потом я привык. Ее отношение ко мне было таким, что встречи с ней, эти чтения были для меня истинной радостью и главным содержанием жизни этих месяцев.

В ее квартире красиво и тихо. За окнами далеко внизу огни и огни. Сюда, на шестнадцатый этаж, шум города почти не доносится. Со стен множеством фотографий смотрит в комнату Святослав Рихтер.

Здесь я совершенно ясно чувствовал, что пришел не к ней, а к ним и читаю обоим. Прочтя приготовленное, мы что-то повторяли, вслушивались, старались представить себе, как это примет человек посторонний, человек другой культуры. Потом Нина Львовна давала мне уже приготовленные документы, письма, программы, записи. Часто она рассказывала что-то сама, и я включал магнитофон, что ее никак не стесняло.

Иногда я уходил в кабинет и снимал с секретера тяжелую шкатулку красного дерева размером с чемодан. В ней хранились подобранные по годам фотографии. Описания людей, их одежды, вида комнат или домов – все это сделано с фотографий.

Любой вопрос, возникавший в период работы, Нина Львовна решала сразу, без промедления, хотя для этого надо было связаться с людьми то в Испании, то в Америке, то где-нибудь еще. Тут же при мне посылался факс. Ответ мы получали чаще всего еще до моего ухода и лишь изредка – на другой день.

К десяти мы заканчивали и пили чай или на кухне, или в маленькой столовой за овальным столом, где всегда стоял прибор Святослава Теофиловича.

Когда была готова первая часть, Нина Львовна вдруг сказала:

– Давайте сегодня немного выпьем... Смотрите-ка, что мне подарили.

Она поставила на стол керамическую флягу, запечатанную красной сургучной печатью. Потом появился какой-то сложный штопор, похожий на хирургический инструмент. Горло фляги было нестандартным. Штопор не подходил, и весь хитроумный механизм был тут бесполезен.

Я открыл флягу, протолкнув пробку внутрь, и налил в рюмки старое, совершенно черное вино.

Так отметили мы окончание первой части. Но только ли это?

Кто мог знать тогда, что впереди нас ждали всего две-три встречи и мы, по существу, простились...

Однако я успел прочесть Нине Львовне почти все. Специально для нее был сделан единственный компьютерный экземпляр, *единственный*, чтобы биография в неоконченном виде не расходилась по Москве.

Итак, Нина Львовна знала в этой книге каждое слово.

Исключение составляли только две новеллы – «Женский портрет в кругу семьи на фоне деревьев» и «Гений».

План и содержание этих отрывков были ей лишь рассказаны, но прочесть их в законченном виде я так и не успел.

На панихиде и на отпевании Нины Львовны говорил о ней ее духовник и друг отец Николай Ведерников. Говорил очень просто и точно. Он говорил о ней как о человеке выдающемся, как о человеке редкостного благородства, доброты, как о верном друге и спутнице Святослава Рихтера, прожившей с ним более полувека...

Но ведь это была великая камерная певица, единственная в своем роде, не знающая равных себе ни в России, ни за ее пределами, подлинная гордость нашей и мировой музыкальной культуры. . .

В заключение хочу поблагодарить за помощь, оказанную мне в работе над этими главами: Ирину Ивановну Наумову – за воспоминания и дневниковые записи, вошедшие в новеллы «Пастораль», «Сестры» и «Ночь на Лысой горе»; Наталью Дмитриевну Журавлеву – за ее существенные замечания и советы; Сергея Васильевича Дильмана – за архивные материалы к новелле «Война»; и, наконец, особую благодарность я выражаю Галине Алексеевне Писаренко и Виктору Ивановичу Маланичеву за бесценный вклад в третью часть и содействие в издании этой книги.

Глава первая

*Из тысячи выдумок, распространяемых про
значительных художников, самая известная та,
что они – люди странные и тяжелые в общении...
Микеланджело Буонарроти*

Великий пианист Святослав Теофилович Рихтер родился 20 марта 1915 года на Украине в городе Житомире. Отец – Теофил Данилович Рихтер – был музыкантом. Работал органистом в оперном театре в Одессе, а также в городской лютеранской церкви. Давал уроки игры на фортепьяно. Мать – Анна Павловна (в девичестве – Москалева) – происходила из семьи председателя земской управы в Житомире. Специального образования не получила. После революции работала дома, принимая заказы на шитье...

Вот как сам Рихтер говорил об отце: «Он происходил из семьи немецких колонистов. Предки его жили в Польше, и, вероятно, кое-что от польского было и у него.

Он был разносторонне одарен. Учился в Вене вместе со Шрекером – у Фишгофа и Фукса. Провел в Вене около двадцати лет. Хорошо играл на фортепьяно, особенно романтические пьесы – Шумана, Шопена. В молодости как пианист давал концерты. Но панически боялся эстрады и из-за этого так и не стал концертующим пианистом. Превосходно владел органом, часто на нем импровизировал. Его импро-

визации приходили слушать многие – и в одесскую кирху, где он постоянно играл, и в оперный театр, где он служил органистом. Надолго всем запомнилась одна из таких импровизаций – во время гражданской панихиды по Прибику. В ту пору я был уже в Москве, но, по словам знакомых, слышавших тогда его, это было нечто необыкновенное.

Дедушка (по отцовской линии) был музыкальным мастером и настройщиком. Имел много детей, чуть ли не двенадцать. Его почти не помню. Умер он, когда мне было два года...»

А вот его слова о матери: «Ее девичья фамилия – Москалева. Происходила из семьи, в которой смешивались многие национальности – русская, польская, немецкая. Были даже остатки шведского, венгерского и татарского. Влияние татарского элемента ощущаю до сих пор: люблю восточную музыку.

Мама приходилась дальней родственницей Женни Линд. Была художественно одарена, хорошо рисовала, любила театр, музыку. По своему характеру напоминала один из персонажей пьесы Булгакова “Дни Турбиных” – Елену Турбину. Вообще, когда смотрел этот спектакль, многое ассоциировалось у меня с детством...»

Пастораль

...За Киевом ясными днями плывут и плывут легкие, про-

хладные тени. Едва задев, едва коснувшись вишневых садов, пересекая проселки, улетают они далеко к горизонту, то ли в Румынию, то ли в Польшу...

Издавна в этих местах мирно соседствуют лютеране и православные, католики и евреи.

Старые города дремлют по берегам мелкой реки, усыпленные однообразием и шелестом гальки на перекатах. Идут дни, недели, годы – и ничто не меняется. Только по вечерам слышно, как звонят в монастыре, да по пятницам, когда на востоке появляется прозрачная, еще дневная луна, в еврейских окошках то здесь, то там мелькают и теплятся ранние субботние свечи...

Тихо, покойно и скучно, но это на первый взгляд, на взгляд человека со стороны. Жизнь окраин обладает и своеобразной глубиной, и даже блеском, только нужно присмотреться. Здесь, в этом старом городе, было немало провинциальной интеллигенции, людей мыслящих, начитанных, способных и наделенных тем скромным достоинством, что всегда так располагает...

Знакомства велись широко. Встречались часто. А как же иначе? Ведь жить в одиночестве вдали от столиц неинтересно! Вечерами под лампой читали вслух или музицировали на каком-нибудь старом-престаром рояле с медалями на крышке. А молодежь увлекалась шарадами, стихами и романами – и книжными, и собственными.

Детей поначалу учили дома, а затем посылали в Одессу

или Киев, но изредка и за границу – в Бухарест, Вену или Берлин. И вот через несколько лет они возвращались повзрослевшие, надышавшиеся воздухом Европы. И тогда не было конца рассказам, которыми все восхищались, которым верили и не верили...

Музыкант

Годы, проведенные в Вене, сделали его великолепным музыкантом, и теперь, возвратившись домой, он привез сюда дух веселой просвещенности, которым была отмечена Вена конца XIX – начала XX века. Казалось, он привез сюда частицу далекой, блестящей жизни и здесь теперь непременно что-то произойдет, что-то переменится к лучшему. А почему бы и нет? Мы ведь тоже Европа!

Приходили гости и засиживались.

Рассказчик он был великолепный. Как-то он вспоминал спектакли Венской оперы. В нарядном переполненном зале пустовала всего одна ложа, и знаете чья?.. Брамса! Ложа Брамса пустовала почти всегда. Но когда он все же появлялся в ней, это было не на пользу исполнителям. Спектакль мерк. И вовсе не по вине артистов, ну что вы! Дело было в Брамсе. Дело было в том, что Брамс садился у самого барьера, у всех на виду. Но ведь он не сидел, как прочие люди. Брамс лежал. Он лежал грудью на плюше ограждения, свесив в партер длинную бороду и руки от кистей до подмышек.

Это увлекало всех почище оперы, и как хотите, а от спектакля оставалась едва ли половина.

Куда не заведет нас хороший рассказчик! Такие люди всех восхищают! О нем заговорили, и, как только услышали, что он дает уроки музыки, от учеников не стало отбоя. Его окружила всеобщая любовь, которую ему усердно демонстрировали. Но всеобщее – это одно, а личное, личное – это другое! Любовь личную как раз хотелось скрыть, затаиться с ней, куда-то деться, но куда? Куда денешься со своими чувствами в провинции, где все на виду и самое тайное – в особенности! Как скроешь то, что поневоле постоянно проглядывает сквозь светский тон и хорошие манеры?

Среди прочих барышень брала у него уроки дочь председателя земской управы, на которой он и женился в 1913 году.

Итак, он обрел собственную семью в 1913 году.

В 1914-м началась Первая мировая война, а в 1915-м у них родился сын...

Глава вторая

Из воспоминаний Святослава Рихтера:

«...Первые полтора года жил в Житомире, в семье дедушки, так как родители находились в Одессе. Когда к Житомиру подошел близко фронт, семья переехала в Сумы. Когда фронт отошел, семья вернулась обратно в Житомир.

С двух до шести лет был отрезан от родителей, находившихся в Одессе. Воспитывала меня сестра мамы – тетя Мери (Тамара Павловна Москалева).

В детстве не раз болел, особенно серьезно тифом в два года...»

Что же случилось тогда?

Это произошло в 1917 году в Житомире. Эпидемии в городе не было, но единичные случаи тифа наблюдались везде.

Лечил мальчика известный и опытный детский врач. В городе его звали просто – доктор Леви. Он-то и спас жизнь уже почти обреченного ребенка. Однако предысторию этого следует рассказать подробнее.

С рождением сына в семье многое изменилось. И постоянно не хватало денег. Теофил Данилович начал работать в Одессе. Стали жить на два дома. В это время на севере в столицах началась революция. Вскоре она охватила и юг России, придя сюда Гражданской войной, разрухой и повальными

ми эпидемиями.

Однако в самом Житомире казалось благополучнее. Анна Павловна с двухлетним сыном оставалась в отчем доме, куда не пришло известие из Одессы: Теофил Данилович болен и нуждается в помощи. Анна Павловна немедленно выехала к мужу, оставив сына на попечение семнадцатилетней сестры. Она рассчитывала быть дома через неделю-другую.

Кто мог знать тогда, что возвратится она только через четыре года, уже по окончании Гражданской войны?..

Болезнь

Как печальны провинциальные города зимой! Как длинные темные вечера! Как уныло, когда постоянно нет электричества. В доме пахнет керосином от тусклых ламп да сырыми дровами, что часами шипят в печах, почти не согревая. В комнатах промозгло и тихо. Двери детской закрыты, двери в кабинет и гостиную закрыты тоже.

С утра ребенок был вял и капризничал. Днем поднялась температура, а к ночи начался бред. Испугались. Послали за доктором. Из гостиной принесли большую лампу, а из кабинета – свечи с письменного стола. Осмотр был недолгим, а диагноз – серьезным: тиф! Уже через сутки болезнь приняла оборот угрожающий. Настали критические дни. Доктор бывал ежедневно, но улучшения не наступало. Все оставалось по-прежнему.

В детской полутемно и пахнет карболкой. А она вот уже который день сидит и сидит у изголовья больного ребенка.

Сначала мальчик метался, что-то бормотал и сбрасывал одеяло, потом обессилел и затих. И только глаза его непрерывно двигаются в полуприкрытых веках, словно следя за медлительным маятником, следя неотступно и сонно. Исхудавшее личико горит. Горит странным огнем без румянца. Пульс так част и слаб, что она боится его считать. Сколько времени может это продолжаться? Сколько может выдерживать маленькое сердце такой ни на что не похожий сухой и ровный жар?

Она уже потеряла представление о времени. В комнате, где умирает ребенок, все то же: беспорядок на столе от аптечных склянок, беспорядок на стульях от брошенного белья, красноватый полусвет привернутого фитиля да это страшное, свистящее дыхание.

Уже давно ее усталость достигла предела. Вслушиваясь, теряя надежду, она теперь то и дело проваливалась в плоское, безликое небытие. Но через минуту сознание возвращалось, и она с новым ужасом сознавала реальность.

А в комнате ничего не менялось. Все так же горела лампа, все так же был слышен этот частый горячечный хрип.

Дом казался вымершим. Только изредка у дверей за ее спиной, со стороны гостиной скрипела половица. Кто-то там подходил и медлил, прислушиваясь, потом половица скрипела вновь – от двери осторожно отходили...

Но вот на крыльце голоса. Это доктор. Каждый раз с его приездом вспыхивала искорка надежды. Она встала, поправила волосы и пошла навстречу. Доктор, как бы не замечая ее, сразу начал осмотр, а она, стоя у двери, следила издали, боясь помешать.

На вопросы врач отвечал уклончиво и неохотно. Назначений не менял и, как казалось, хотел быстрее уехать. И снова закрывалась дверь, удалялись голоса и шаги, и снова она занимала свое место, и снова вслушивалась и проваливалась в нечаянный минутный сон.

Вдруг она очнулась от поразившей ее перемены. В комнате было совершенно тихо. Миг – и она у самого изголовья замерла с ужасной мыслью... Тишина... Вглядевшись, она поняла: ребенок лежит на боку, лицом к стене. Что же это? Все?.. Она склонилась, почти касалась лицом подушки и только тут, наконец, услышала, или показалось? Нет! Нет! Мальчик дышал, дышал тихо и глубоко. Она осторожно тронула его голову. Волосы были влажны, а щека прохладна. Жара не было!.. Не веря себе, она быстро прибавила света. Теперь стало видно хорошо. Спина ребенка открылась и была вся в рубцах от слезавшейся рубашки. Она бережно отерла мальчика и передела его в чистое и сухое. Потом поменяла постель, расправляя складки под легоньким тельцем. Мальчик не просыпался, он спал мирно и крепко...

Утром приехал врач. Теперь осмотр продолжался достаточно долго. Он выслушивал, выстукивал, мял живот, смот-

рел под веками и, наконец, объявил, что кризис миновал и опасности больше нет.

Дальше было то, что бывает всегда, когда смерть удаётся прогнать. Кто-то бессмысленно топтался за докторской спиной, склоненной к старинному умывальнику. Задавались бестолковые вопросы, а она, вмиг стряхнув усталость, сразу похорошев, стояла рядом, держа наготове чистое полотенце. Доктор сделался словоохотлив и с видимым удовольствием объяснял, обращаясь только к ней, как следует теперь ухаживать за выздоравливающим ребенком.

В тот же день в доме все вернулось на свои места. Снова открылись двери. Из детской через гостиную снова был виден коридор с чистым домотканым половиком и большим зеркалом у выхода в сени. Печи как будто потеплели, лампы светили ярче, а сами вечера из унылых стали уютными, и их продолжительность уже никого не угнетала.

Дом был прибран, словно ждали гостей.

Фиолетовое с черным

Прошло несколько недель. Жизнь вошла в привычное русло...

Это было время перемен. Молодой двадцатый век уже выдвигал свои идеи, свои вкусы и представления. Но век девятнадцатый был еще совсем рядом и, кажется, уступать не хотел.

Это было время двоевластия, борьбы старого с новым. Пока еще продолжалась эпоха Вагнера. Еще встречались люди, видевшие и помнившие его. Это была эпоха Ибсена и Меттерлинка, Врубеля и Римского-Корсакова, но это уже было время Скрябина и так поразившего всех молодого Прокофьева. Это было время «Летающих влюбленных» Шагала, стихов Блока, опер Пуччини, время зеленого с серебром и фиолетового с черным. Это было время оттенков и предчувствий, время неясных ожиданий. Оно иногда немного пугало, но чаще – восхищало. Настоящее между тем отличалось всеобщей неустроенностью, а будущее – неопределенностью.

Из воспоминаний Святослава Рихтера:

«... Однажды по какой-то причине провел я две-три ночи в гостинице за ширмами. В сумерках я отчетливо видел фигуры (точно как у Франса в “Маленьком Пьере”). То ли они есть, то ли их нет. Еще будто (или на самом деле?) ехала, позвякивая, какая-то повозка, очень похожая на черный с позолотой катафалк, который мне понравился на улице. Ночь с глазами сквозь ширмы. Странное беспокойство, не благополучие, но поэтично. Не Дебюсси, а Прокофьев. Все это образовало какой-то флюид, который преобразовался впоследствии, когда я играл написанные примерно в ту же пору “Мимолетности” Прокофьева.

Я думал, вот это оттуда... Позвякивания в “Мимолетно-

стях”, сумерки...

В скрипичном концерте Прокофьева в последней части есть место, похожее на “Мимолетности”. Нарочито несколько банальные приемы, шарманка. Шагал – это все нарочно. И я маленьким это понял – настроение ночи сквозь ширмы».

Да, это было время перемен, непонятных и увлекательных, иногда безопасных, а иногда и не совсем...

Глава третья

Из воспоминаний Святослава Рихтера:

«Раннее детство – лучшее время. Оно овеяно сказками, поэзией. Была близость к природе, общение с ней; родные были лесоводами... В семье царил культ природы. Природе поклонялись, ее обожествляли. До семи-восьми лет я верил в эльфов и русалок. Природа для меня была полна таинственности. За каждым ее проявлением я усматривал духов; жил в мире сказок...

Все это дало мне много, очень много. Любовь к природе сохранил на всю жизнь.

Одесские окрестности для меня в детстве – это Аркадия и, главным образом, Ланжерон: ходил босиком с папой».

Произошло почти чудо. Хаос Гражданской войны, интервенция, аресты, расстрелы не коснулись ни Москалевых, ни Рихтеров.

Анна Павловна и Теофил Данилович снова обрели сына, которому было уже шесть лет. Зимы проходили в Одессе, летом уезжали в Житомир.

Из воспоминаний Святослава Рихтера:

«Нежинская улица. Когда выходишь из нашего двора, напротив стоит неказистый дом, но наверху карниз и круг, как

окно в небо. И мы всегда шли направо. Первая подворотня – неинтересная. В ней лежали дрова. Вторая – где жила моя будущая учительница музыки – с гофрированным бело-красным витражом.

После пятого дома – вид на собор Петра, и когда появлялась кирха – охватывал восторг!

И теперь мы снова вышли так, и снова архитектурный сюрприз, как будто это и очень особенное, и свое, знакомое».

Кирха

Старая кирха похожа на большую невытую морковь, торчащую острым концом над городом.

Ее отсыревший кирпич темен и кажется совсем древним. Многие думают: «Вот – памятник архитектуры». Но это не совсем так. На самом деле кирха не столько стара, сколько старомодна и запущена. После Гражданской войны она, как и весь город, нуждается в ремонте, но денег на это ни у кого нет...

Кирха как две капли воды похожа на своих сестер-лютеранок, волею судьбы разбросанных по белу свету. Они почти одинаковы. Разница только в том, что одна стоит среди пальм Эквадора, другая на Аляске, а этой суждено было встать именно здесь, на юге России. Вот и все... Но только ли? Да нет... Конечно же, нет.

Не только это чувствуется в остроерхих осколках Герма-

нии, так далеко разбросанных лютеранской их родиной. Есть в них и другое. Есть в них что-то от рева органной трубы, от гудения вековых елей, от старого камзола и отечных ног в высоких кожаных ботах, есть в них что-то от оловянного моря и низкого неба, что-то от самого Букстехуде и, право же, ничего от большой моркови, торчащей острым концом над зимним отсыревшим городом.

Но к старой кирхе давно здесь привыкли, и она – что поделать – совсем не привлекает обывательское внимание.

Они шли направо. Они шли неровно. Мать держала за руку сына, а он, обгоняя, тянул вперед. Ей приходилось сдерживать шаг, как на крутом спуске, и она говорила: «Куда ты? Куда ты бежишь? Иди спокойно».

Миновав пять домов, они выходили к кирхе, и тут все получалось наоборот. Мальчик тянул материнскую руку назад – и ей приходилось преодолевать это сопротивление, как на тяжелом подъеме. Она говорила: «Ну, что с тобой, наконец, иди же ровно. Ведь мне тяжело!»

Но он вряд ли слышал. Он впервые переживал явления искусства! Он снова и снова получал здесь свой подарок, неведомые еще ему игры масштабов и сам размер этой островерхой вертикали!

Они бывали тут ежедневно. И всякий раз его охватывал восторг. Он смотрел и смотрел, замедляя шаг, повисая на материнской руке, мать тянула его, и он, упираясь, скользил по зимнему тротуару.

Эта способность вновь и вновь переживать прекрасное словно впервые стала потом чудесной особенностью искусства Святослава Рихтера. И может быть, именно в этом кроется изначальная причина его артистического вдохновения. Восхищение музыкой не проходило, не уменьшалось от нескончаемой, а порой изнурительной работы.

И когда он выходил на сцену, его игру было трудно назвать исполнением. Казалось, он импровизирует, сочиняет прямо в зале и делает это с невообразимым совершенством. И сейчас любое движение музыкальной мысли, поворот формы для него самого – полная неожиданность, счастливая, прекрасная находка! Казалось, он сам не знает, что будет через минуту. Этим чувством новизны никто не обладал так полно. Он всегда играл от первого лица, и в то же время в его искусстве не было никакого произвола. При всей свободе он был предельно точен и строг. Все указания в тексте, любой оттенок, любая мельчайшая деталь скрупулезно изучались, запоминались, и ничто потом не пропадало – все звучало, но так, словно это только сейчас, вот прямо тут, на эстраде, пришло ему в голову.

Искусство такой свободы, такой поэзии и таких масштабов уже не вмещается в эстетические понятия. Оно переходит в область нравственного. Становится силой, способной преобразовывать жизнь, делать ее лучше и чище.

И не одно поколение людей получило свое духовное здоровье из рук Святослава Рихтера. А что же он сам? Как от-

носился он к своей славе? К неизменному успеху?

Восхищение музыкой, никогда не покидавшее его, возможно, и было единственной, подлинной наградой великому пианисту за нескончаемый труд его жизни.

Концерты же сами по себе часто его не удовлетворяли. Он обладал редкостным совершенным внутренним ощущением музыки и страдал от этого. Страдал потому, что никакая работа, никакая техника не могла приблизить его к воображаемому идеалу.

Как часто после концертов бушующий зал вызывал его на бесчисленные поклоны, а он то входил в артистическую, то вновь уходил на эстраду кланяться или сыграть что-нибудь «на бис». А у двери уже давно толпились его многочисленные друзья, не находящие слов от восхищения. А он то входил, то уходил и разговаривать мог урывками. Иногда он издали кому-то улыбался, посылал приветственный жест, иногда успевал сказать несколько слов. Мол, сегодня получилось шестнадцать тактов. Как?! Ну, восемнадцать. Остальное... Тут он растерянно и даже почти виновато улыбался и пожимал плечами...

И многим казалось это странностью его характера, чуть ли не родом кокетства, и мало кто понимал, что это истинная правда и что Рихтер хотя и улыбается, но внутренне страдает, несмотря на весь этот шумный успех.

Но бывали такие дни, когда он считал, что не получилось ничего. Тогда, закончив программу, он тут же исчезал.

И напрасно неистовствовал зал, напрасно растерянные знакомые искали его на лестницах служебного входа. Рихтера не было. Тут уж на него обижались. И говорили, вздыхая, что ему сегодня не до нас, что он, видите ли, не в настроении. Вы же знаете, все значительные художники – люди странные и тяжелые в общении...

А истинную причину так и не понимали. Да и как понять ее? Ведь для этого нужно было бы последовать за ним в совершеннейшие сферы его музыкального воображения...

Кому это было доступно?

А концерты между тем жили и жили своей собственной загадочной жизнью.

Они начинались не с музыки. О, нет! Они начинались с ожидания. С ожидания великого. Да, ждали многого! А получали еще больше. И кончался концерт не тогда, когда над эстрадой гас свет. Эти концерты потом росли и росли в памяти, переполняя сознание. Они так и не кончатся, куда живы те, кому посчастливилось на них хоть когда-то бывать. А дальше – дальше настанет время записей и воспоминаний, биографий и легенд...

Без названия

Ему едва минуло шесть.

Впереди лежала жизнь. Впереди его ждали столицы, поклонники и друзья. Его ждали, сами того не зная, все вы-

дающиеся люди нашего века, художники, поэты, музыканты, президенты, его ждали написанные и еще не написанные картины и книги, ждали музеи, ждали вереницы новогодних елок, ждали лучшие оркестры мира, ждали царственные «Бехштейны», ждали великолепные «Стейнвейи» и «Ямахи», еще не сделанные тогда, но именно на них ему было суждено играть во всех самых прекрасных залах мира, суждено было играть до самого конца, до самого конца едва начавшегося века...

Но кто может предугадать замысел судьбы? Пока он казался обычным ребенком, живым и здоровым, только чуть-чуть рассеянным. Его внимание вдруг уходило куда-то, вот как сейчас, например.

Мать вела его за руку мимо кирхи, а он все отставал и отставал. А почему? Непонятно...

Глава четвертая

В те годы жизнь семьи Рихтеров протекала размеренно и спокойно.

Теофил Данилович старался разделить с сыном то, что любил сам. Он постоянно играл ему отрывки из опер, попутно объясняя действие. Вероятно, он полагал, что музыка, написанная на либретто, на драматический сюжет, будет понятнее для ребенка и именно с этого следует начинать.

Прежде всего это был Вагнер. Это были четыре оперы «Кольца Нибелунгов»: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов». Вскоре к ним прибавились «Лоэнгрин», «Тангейзер», «Тристан и Изольда» и, наконец, «Парсифаль».

Очевидно, Теофил Данилович был прав, и именно с этого и следовало начинать. Ведь всю жизнь потом Рихтер особенно любил оперу и особенно любил Вагнера...

Но пришла пора, и Теофил Данилович попробовал учить сына игре на рояле, однако из этого ничего не вышло...

Из воспоминаний Святослава Рихтера:

«Хотя отец был превосходным музыкантом, я за все время взял у него не более десяти систематических уроков. В остальном был предоставлен самому себе. Правда, часто спрашивал его о том или ином новом для меня произведе-

нии и получал ценные советы.

Я был строптивый и не слушался, все пытался делать сам – в сущности, никто меня не учил.

Помню, папа говорил с досадой:

– Как ты играешь? Как держишь руку? Что это такое?

А мама возражала:

– Оставь мальчика в покое. Пусть играет, как хочет».

Итак, отец критиковал, а мать защищала, но бывало и наоборот.

Еще не научившись играть, он стал сочинять музыку. Первые пьесы «Вечер в горах», «Утренние птички» и «Сон» были записаны отцом. Теперь уже Теофил Данилович восхищался и говорил: «Ну, какая прелесть! Нет, ты посмотри! Ты только послушай». А мать почему-то была сдержаннее: «Ну, ничего. Но он может лучше».

Мать старалась воспитать в нем волю, взыскательность к себе, твердость и бесстрашие перед внешними обстоятельствами. Старалась и воспитала. Она не хотела, чтобы его судьба походила на судьбу отца... Но не одна только музыка волновала в те годы детское воображение Святослава Рихтера.

Из воспоминаний Святослава Рихтера:

«Один раз мама сказала: “Сегодня мы тебе покажем что-то интересное”.

Около городского сада – кино Уточкина. Картина “Мадам Баттерфляй”. И мама даже рассказала мне сюжет. Мадам Баттерфляй играла Мэри Пикфорд. Я не знал, что такое кино.

Мы вошли в зал. Потух свет, началось что-то на стене. Я пришел в такой ужас, мне так не понравилось, что чуть не стошнило. Какой-то грязный растаявший снег. (То же произошло со мной, когда я впервые увидел театральные декорации в опере.) Но это первое ощущение длилось полминуты. Потом – полный восторг!

На мостике много японок. Помню все до мельчайших подробностей до сих пор. Сильное впечатление, конечно, произвели автомобили. Красивая свадьба в Америке – они выходили из кирпичной арки. Началось с гадания Сузуки и Чио-Чио-Сан. Когда ждали Пинкертон, разукрасили мальчика цветами по-японски.

Конец же был другой: в огромной свадебной шляпе она пошла в воду, и на воде осталась одна шляпа.

Я насупился, сердился, и все спрашивали меня, в чем дело... И вдруг на Соборной площади я поднял такой крик, такой скандал на всю улицу: “А я не хочу, чтобы она умира-ла!” Настоящий протест».

Итак, кино стало одним из любимейших искусств Рихтера... Ну а что же музыка?

Из воспоминаний Святослава Рихтера:

«Несколько позже появились новые пьесы: “Дождик”, “Море”, “Перед танцами”, “Весна”, “Индийский замок”, “Праздник” и “Заход солнца”. В двух последних пьесах находили даже проблески самостоятельности: в “Празднике” – звучания с колокольными перезвонами, в “Заходе солнца” – наивность...»

А дальше начались занятия с госпожой Атль, арфисткой, игравшей в оркестре оперного театра, чешкой по происхождению.

Теофил Данилович был близко знаком с супругами Атль, и ему было удобно попросить позаниматься с сыном, ведь дома это не получалось...

Трудно сказать теперь, в чем заключались уроки с Атль. Скорее всего – ни в чем. И прекратились они из-за своей очевидной бесперспективности.

На этом и закончились регулярные занятия на фортепьяно великого пианиста XX столетия.

Следующим его педагогом был уже профессор Московской консерватории Генрих Густавович Нейгауз. С первого же урока, с первого дня знакомства Генрих Густавович был восхищен талантом и законченностью игры Святослава Рихтера и, по его собственному признанию, занимаясь с ним, никогда не выходил за рамки «дружеского нейтралитета».

Но до этого еще далеко, а пока перед нами все то же: дет-

ская, гостиная, а за окнами – зимняя Одесса...

Глава пятая

О матери. О музах

Это был дом радушный и открытый. Ведь не деньги и не общественный успех делают людей счастливыми. Здесь же нужно было только одно – чтобы все время что-то происходило.

Она принадлежала к тому типу русских женщин, который порождает только наша жизнь. Она могла работать и работать. Шить за гроши, стоять то в очередях, то у плиты, стирать и мыть посуду и делать это ежедневно, годами. Что говорить, такая жизнь быстро превращает женщин в скучных домашних хозяек с плохим характером.

Но ее никто не видел усталой и раздраженной. Усилием воли она в любой момент могла встряхнуться, выпрямиться и сразу стать моложавой и привлекательной. И накрывался стол, и приходили гости. Было легко и непринужденно. И вряд ли кто-то мог представить себе ее монотонную и однообразную жизнь, ее неудовлетворенность. Да и сама она вряд ли признавалась в этом себе.

Когда было настроение, она могла закружиться в вальсе молодо и увлеченно, словно гимназистка, а потом вдруг всплакнуть от интермеццо Брамса или ноктюрна Шопена.

Этот тип женщин уже уходил в ту пору вместе с русской интеллигенцией, планомерно и сознательно уничтожаемой властью ради всеобщего усреднения и примитивного равенства. В таких женщин легко влюблялись, влюблялись надолго, чисто, почти всегда безнадежно и все же счастливо.

Сколько страниц написано об этом в нашей литературе и у Чехова, и у Пастернака, и у Булгакова!

Но это неотразимое влияние, это обаяние более всего и сильнее всего распространялось на детей. Дети безраздельно любили таких матерей, но особенно любили их, конечно же, сыновья.

Становясь взрослее, они сталкивались с большими трудностями. Они неминуемо разочаровывались в сверстниках, не находя или не желая находить в них материнских черт. И это часто оборачивалось замкнутостью, разочарованностью и склонностью к одиночеству. Ведь любить кого-то еще казалось чем-то вроде измены в отношении идеала, в отношении матери.

Потеря матери для таких людей – это настоящая трагедия, никогда не заживающая душевная рана...

В этот дом под вечернюю лампу влекло многих. Иногда здесь прекрасно играли, ведь тут собиралась подлинная артистическая слава города.

Но не только музыкой жили в те времена. Любовь к литературе и театру тоже имела свое воплощение.

Часто разыгрывались пьесы прямо за чайным столом. Для

этого почти ничего не требовалось. Нужно было лишь переписать роли да собраться. Это называлось чтением в лицах, им увлекались взрослые. А дети особенно любили немые сцены, где ценились больше всего мгновенная выдумка и веселый талант.

Но изредка устраивали настоящий театр. Тут уж готовились всерьез, и весь дом разрушался до основания. Передвигалась или выносилась мебель. Для занавеса чистился поднятый с пола ковер или снимали с окон шторы. Переделывались настольные лампы для театрального света, под ногами путались электрические шнуры. Словом, ступить было некуда. На полу что-то сохло, что-то красилось. Тут же шились костюмы, выворачивались шубы, брались напрокат фраки, появлялись какие-то пыльные коробки и из них извлекались монокли, цилиндры и трости.

И кто знает – может быть, эти хлопоты и были самым главным во всем предприятии, ведь их украшало ожидание! Украшало чувство неизвестности и даже рискованности предстоящего. И вот приходил этот вечер, и начиналось счастье уж совсем близкого торжества. До прихода гостей оставались считанные минуты.

Диваны, стулья, табуретки теперь составляют ряды. Здесь даже всеми забытое кресло из чулана, которое из-за своей хромоты должно обязательно на что-нибудь опираться.

Печи истоплены, и оголенные окна, лишённые штор, в испарине. Стекла похожи на растянутую кальку. До них нель-

зя дотрагиваться, иначе сейчас же поползет капля, оставляя одинокий случайный след. Но влага сама скоро нарисует на стеклах черные деревья в стиле модерн, и в их вертикальных извилах замерцают редкие звезды – огни дома напротив...

Обеденный стол вынесен в детскую и уже заставлен чашками. Здесь будет буфет. На кухне возьмется с самоваром. Прилаживают в форточке колено трубы.

Итак, сейчас все начнется!

Вот это и есть жизнь! И стоит ли думать о том, что будет через несколько часов, когда все уйдут и взору предстанет разрушенный дом, гора грязной посуды, и все придется двигать, поднимать, ставить на места, мыть и чистить.

Но можно ли думать об этом именно сейчас, когда так хорошо и жизнь дарит тебе самое лучшее, когда так страшно веселым, озорным страхом и предстоящие два часа кажутся целой вечностью, наполненной захватывающими и счастливыми приключениями?

Но что такое домашний театр в сравнении с настоящим?

Из воспоминаний Святослава Рихтера:

«Став органистом в опере, папа часто водил меня на репетиции и спектакли. Стоя в оркестре или где-нибудь поблизости, я проходил в оперном театре школу.

Меня влекло к театру. Все шло через театр».

Кто не помнит потом всю жизнь свой первый спектакль?

Для него это была, конечно же, опера. «Снегурочка».

Можно ли думать о каких-то выгоревших гардинах и коврах перед настоящим занавесом, обращенным к бело-золотому залу, наполненному блеском люстр?! Что может сравниться с тайной декораций, совершенно мертвых при свете служебных ламп, но способных оживать и жить переполненной, самой яркой, самой настоящей жизнью, как только падут на них лучи скрытых цветных прожекторов!

Может ли что-то сравниться с обликом настоящих актеров, преображенных костюмами и гримом!

Из всего этого состояло чудо спектакля. Но не только. Было что-то еще, наверное, самое главное. Было само действие, мысль и темп, ускорения и внезапные паузы, сама драма и ее развитие.

Но оставим этот драматизм театру. В жизни все иначе, к сожалению. Он разделит судьбу своего поколения, своего драматичного времени, разделит ее молча и спокойно, ни на что не жалуясь. Но до этого еще далеко, хотя уже и не очень, но пока, пока еще мы видим его у кулисы, за которой лишь темнота зала, переполненная безликим зрением и безликим слухом.

Он смотрит на руки дирижера, жестко схваченные манжетами. Они округло плавают в полусвете над большим, похожим на стол главным пультом. Здесь, над самой партитурой, музыка становится зримой!

А зал замер от знакомой весенней сказки о превращении

снега в жизнь и любовь, которая, как ни знай, как ни помни, всегда доводит до слез нежной наивностью и печалью.

Римский-Корсаков и Островский так потрясли мальчика, что он заболел. Да и как не заболеть, надышавшись впервые алмазно-золотым воздухом искусства...

Если бы кто-то додумался измерять искусство орфеями, так, как измеряют амперами силу тока, все стало бы бесспорно и очевидно для всех. И больше бы не было расхождения мнений! Первое место заняла бы опера, ну а второе – конечно, кино, эта прихотливая и капризная тень театра!

То, что у театра появилась тень, заметили совсем недавно, но она как-то сразу стала подчинять себе умы и сердца.

Еще мало снималось картин, еще подергивалось изображение на экране, а между тем уже было все то, что и теперь безраздельно властвует миром. Было особое, захватывающее переживание световой иллюзии. Такого не бывает в театре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.